

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-27-34

УДК 821.16.1

И.А. Бунин и С.Н. Дурылин: проблемы творческого диалога

Е.А. Коршунова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена рассмотрению творческих связей И.А. Бунина и С.Н. Дурылина. В современном литературоведении этот вопрос является актуальным по причине малоизученности наследия С.Н. Дурылина и И.А. Бунина. Прежде всего, у Дурылина вызывает интерес повесть Бунина «Деревня», в которой затрагивается «русский вопрос». Но если в повести «Деревня» писатель не вполне принимает бунинское представление о России как стране дикой и первобытной, то в «Жизни Арсеньева» представленная автором модель русской жизни находит отклик в творческом сознании Дурылина. В мемуарной книге «В своем углу» автор воссоздает имманентный бунинскому образ родины. Сближает писателей восприятие революции 1917 г. как «слома», катастрофы, поэтизация повествования, структурообразующая функция памяти и др. Однако, если у Бунина дореволюционные картины русской жизни — центр повествования, то у Дурылина они служат фоном (и окном в идеальное прошлое), в фокусе писательского внимания — послереволюционный процесс гибели здоровых начал русской жизни, воплощенный в образе снега и др.

Ключевые слова: Бунин, Дурылин, образ России, мемуары, категория памяти, творческий диалог, эмиграция

В современном литературоведении активно изучается творческое наследие и личность С.Н. Дурылина (1886—1954). Возвращаются к читателю художественные и научные труды писателя «внутренней эмиграции» [4; 5], опубликованы литературоведческие, философские, исторические исследования [8]. Особо актуальными являются литературоведческие исследования его наследия, в том числе вопрос о творческих связях С.Н. Дурылина и И.А. Бунина, который почти не затрагивался учеными.

В итоговом произведении С.Н. Дурылина — книге мемуаров «В своем углу» (1924—1944) — автор осмысляет личность и творчество своего современника Ивана Бунина. Близки Дурылину прежде всего те произведения Бунина, в которых затрагивается «русский» вопрос. Однако центральный образ и бунинского, и дурылинского творчества — образ России — был представляем по-разному. Например, именно по отношению к тому образу России, который воссоздается в творчестве того или иного художника, Дурылин пишет о «сказочных» писателях и о «неизбежных». Липкая октябрьская черноземная грязь, старые заборы, завалившиеся избы в деревнях, отвратительный рвотный запах самогона — вот картины

русской действительности, созданные в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Помяловского, Глеба Успенского, М. Горького, Н.А. Некрасова. «Критики, говорят, объясняют писателей. Вот так же махорка, вошь, самогон, сенная борода и прочее *объясняют* Глеба Успенского, Горького и проч., и проч. До Ив. Вольнова и “Деревни” Бунина <...>. Но Пушкин, но Лермонтов, но Тютчев, но Фет, но К. Леонтьев — откуда? <...> Сказочные писатели»* [3. С. 9—10].

Дурылин, не соглашаясь с позицией Бунина в «Деревне», показывает в книге «В своем углу» образы простых людей, составляющих здоровую основу русской нации. Их писатель объединяет в отдельный литературный тип — тип дурака: «Дурак ведет свое происхождение от Иванушки-дурачка. Он-то и построил Россию. <...> Дурак — это Кутузов и Каратаев, прогнавшие Наполеона, Соня и Наташа (“Война и мир”), герои “Капитанской дочки” с Гриневым и Марьей Ивановной, Максим Максимыч <...>, это — няня (у всех, у Пушкина, и у умника Александра Ивановича [Герцена])» [2. С. 154]. Именно простой человек для Дурылина является типично русским, поэтому он, описывая Россию, избегает крайностей, находя выход из «дурновского» пространства.

Поэтому писатель если и не осуждает Бунина, то считает созданный им образ России в «Деревне» несколько односторонним и неполным, не дающим выхода к лучшему бытию. Однако в этом не стоит искать неприятия творчества и личности Бунина, ведь Дурылин мог быть, ввиду культурной изоляции и «внутренней эмиграции», не знаком с очень значимой для Бунина более поздней книгой, романом «Жизнь Арсеньева» (1933). Именно здесь, наконец, взгляды Бунина на прошлое России, ее образ могли бы найти отклик в воспоминаниях Дурылина. В этом романе, как и в мемуарной книге «В своем углу», появляется, несмотря на трагическую правду в описании России, лиризация событий русской жизни, поэтизация родного для писателей мира. Чувство любви к родине, замечая в своем предмете даже неприятное и не закрывая глаза на него, как уже отмечалось исследователями, все-таки принимает его как родное и потому «очаровательное». Так, при изображении милой сердцу Бунина уездной России “очаровательными” в его картинах становятся неприглядные картины: «привлекательно воняло навозной жижей и свинными закутами» [2. С. 18]. В романе «Жизнь Арсеньева» устами своих героев автор выражает чувство гордости за родину: «Гордость в словах Ростовцева звучала вообще весьма нередко. Гордость чем? Тем, конечно, что мы, Ростовцевы, русские, подлинные русские, что мы живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире. Да и одному ли Ростовцеву присуща была эта гордость? Впоследствии я увидел, что очень и очень многим, а теперь вижу и другое: то, что была она тогда даже некоторым знамением времени, чувствовалась в ту пору особенно и не только в одном нашем городе.

Куда она девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так

* Курсив здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, автора. — Е.К.

уверены? Как бы то ни было, знаю точно, что я рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее» [1. С. 53—54]. Как можно заметить, в данном утверждении Бунин отходит от привычного «я» и заменяет его соборным «мы», пытаясь отобразить и воссоздать реальный, а не субъективно-идеализированный образ России. Как отмечалось, «Бунину в “Жизни Арсеньева” удалось передать “симфоническую картину” России (Ф. Степун)» [6. С. 15]. Эта картина невозможна без передачи ощущения русской жизни как праздника и торжества: «Как забыть этот ночной зимний звон колокольчиков, эту глухую ночь в глухом снежном поле, то необыкновенное, зимнее, серое, мягкое, зыбкое, во что сливаются в такую ночь снега с низким небом, меж тем как впереди все чудятся какие-то огоньки, точно глаза каких-то неведомых, ночных, зимних порождений! Как забыть снежный ночной полевой воздух, холодок под енотовой шубой сквозь тонкие сапоги, впервые в жизни взятую в свои молодые, горячие руки вынутую из меховой перчатки теплую девичью руку — и уже ответно, любовно мерцающие сквозь сумрак девичьи глаза!» [1. С. 89]. Контрастные образы огня и снега, символизирующие торжество жизни, с одной стороны, и смертные (снежные) пелены умирания, с другой, призваны, наверное, отобразить исконный для русской ментальности концепт возможности Воскресения, в каком-то смысле восстания России прошлой в историческом будущем. Ведь воскресения без смерти не бывает («аще не умрет, не оживет»).

Очевидная здесь методологическая проблема соотношения в данном тексте художественной и исторической реальности (русская жизнь: миф, модель или реальность?) уже ставилась в современном литературоведении [6]. Нам кажется справедливым высказанная мысль о том, что «в бунинском романе <...> предстает Россия в ее целом, где подчеркиваемая внешняя неустроенность <...> не только не скрывается, но полемически — благодаря временной дистанции — поэтизируется и художественно эстетизируется. Дело здесь не в том, что Бунин, так сказать, привносит в эту *прозаическую* Россию его времени, в мир, который “в реальности” вовсе не поэтичен и социально напряжен — как художник — поэзию извне. Дело в том, что этот мир — *родной* для Бунина, что переживается им с особой остротой, может быть, еще и потому, что сам он оказался на чужбине. И именно потому, что эта реальность России для него — *родная*, Бунин может *увидеть* и показать красоту и поэзию, ощутить счастье — в этой родной для себя реальности. Увидеть, показать и передать его нам — как читателям» [6. С. 15]. Таким образом, в «Жизни Арсеньева» Буниным преодолевается неразрешимый трагизм «Деревни», односторонность в изображении русской жизни и России в целом. Полемизируя с Буниным по поводу изображения русской жизни в «Деревне», Дурылин не смог по известным причинам ознакомиться с «Жизнью Арсеньева», где автору удалось найти выход из тупика в поэзии воспоминания. Память Бунина отобрала именно то, что ее достойно, сущностное и верное.

Дурылин, находясь во «внутренней эмиграции», продолжает диалог с Буниным. И удивительно, и вполне закономерно, что в мемуарной книге «В своем углу» Дурылин воссоздает имманентный бунинскому образ родины. Так же как и для Бунина, для Дурылина весьма важной и, возможно, определяющей становится тема памяти: «Писать — для меня — вспоминать. И жить — для меня — большею

частью было: вспоминать» [2. С. 327]. Книга построена как воспоминание о прошлом, о детстве и годах юности. В ней автор рассуждает о судьбах русской литературы и России в целом. Повествование структурировано по модернистскому принципу: не совсем поддающееся хронологии «лирическое воспоминание души» (как и у Бунина), окружающая обстановка и реалии (бытовые, культурные, литературные) почти не вошли в книгу. Они являются не центром, а фоном повествования. Ведь писательство для Дурылина — это взгляд на события с определенной временной дистанции. Одна из важных тем «углов» — судьба России, ее прошлое и будущее. Как лейтмотив во многих тетрадах книги напряженно звучит мотив умирания, гибели России. Революция 1917 г. осмысливается писателем как слом, катастрофа.

Примечательно, что, размышляя о судьбах родины, автор обращается к изображению деревни, а не столицы (родной Москвы), ее быта, характера простого мужика. Именно народу, по мнению Дурылина, следовало быть основой русской нации, ее движущей силой. Со времен Кузьмы и Тихона мало что изменилось, мужик все тот же, та же и деревня. В 1927 г. в «углах» автор описывает свое впечатление от путешествия в деревню: «я увязал в грязи, в дебрях грязи, в болотах, в потоках, в капканах грязи. <...> А на протяжении трех верст — *три* деревни: что стоило бы сделать дорогу! Я вяз, я падал, полз, вставал, ругался, прилипал, отлипал, мучился — и думал антиславянофильские думы. Такой грязи по России тысячи верст во всех направлениях... И думать, что по такой грязи мы могли дойти до Константинопольской “св. Софии” (славянофилы), до Тихого океана (Брюсов) — какое безумие! История русская увязла в грязи. Прилипла к грязи. По такой грязи дойти можно не до Царьграда или Тихого океана, а разве до ближайшего кабака, который — явный или тайный — есть в любой деревне. Царьград и Тихий океан ушли теперь, даже как *мечтание*, а кабак, — на время упраздненный, — опять вернулся и как вдруг засверкал огнями — электрифицированный: “Я здесь, я снова тут — до Царьграда далеко, а до меня близко: через улицу перейти”» [2. С. 344]. Царьград и кабак становятся полюсами, символами сакрального, метафизического (райское место) и профанного (образ пути в бездну) пространства. Царьград вспоминается здесь как образ идеала, заставляющий идти личность к совершенству. Именно он был определяющим в дореволюционной России. «Электрифицированный» кабак — образ современного псевдопространства, комически отображающий губительность, с точки зрения Дурылина, советского «прогресса». Однако писатель далек от идеализации дореволюционной России, в этом высказывании чувствуется понимание и более ранних, чем отношение к революции, ошибок интеллигенции. Дурылин отмечает хаос, внутреннюю деградацию и растерянность русского мужика. Ощущение писателем почти крайней черты одичалости народа, его внутренней пустоты передано в описании отношения к нецензурному слову: «И что-то есть страшное в том, что одинаково “матерятся” Толстой и мужик, Горбунов и извозчик, — страшное и беспомощное: нежность — в грязи, грязь — в нежности, — и рядом холодное, через слово, “мать, мать, мать”. В простонародье самое отвратительное — *это*. От *этого* девушки бегут в монастырь. И вспоминается с тоской: грязь. Увяз воз. Лошадь пыжится и не может вывезти, и виновато поднимает уши, и в глазах с красными жилками

стоят слезы, а мужик хлещет ее по глазам и орет: — Мать твою... А кругом гогочут. *Это* на Страшном суде вспомнится, — когда Россию будут судить, не забудется...» [2. С. 184]. Образы воза, брички, телеги, упоминающиеся в тексте, становятся зачастую также символическими. Дурылин вводит метафорический образ «телеги истории», скрыто отсылая к гоголевской «тройке Руси» и выражая, по сути, те же надежды на воскресение былого величия родины: «Телега истории мчится быстро. У лошадей из-под копыт летит грязь, ибо ехать все время приходится по грязной и трудной дороге. Грязь всегда летит назад, а не вперед. Впереди все чисто и хорошо, назади — все грязно» [2. С. 202—203]. Надежды настолько хрупкие, что писатель не позволяет себе ничего конкретизировать даже в дневниковых записях.

Одним из выразителей надежды на лучшее является образ снега. Как известно, снег, изображение России под снежным покровом было устойчивым мотивом у писателей-эмигрантов. Можно вспомнить хотя бы бунинский рассказ «Подснежник» и др. И у Дурылина снег становится едва ли не самым емким символом в данной книге. Нужно сразу отметить, что никаких пейзажей, кроме «снежных», у писателя почти нет. Ни одного лета, ни одной осени, ни одной солнечной весны (весна едва-едва наступающая)... Снег, метель, вьюга пронизывают все пространство «углов» (I—XIV тетради). В книге более двадцати выразительных картин снежной зимы: «Снегосев. Искоса падает снег: тонкий, нежный, четкий. А уж первое марта. Снега всюду лежат на аршин <...>. Снега и тишина [2. С. 197]. <...> Белое утро. Белые кучи снегу. И хочется сказать — белая тишина <...>. Тихо-то, как тихо! Опять веришь в бытие тишины. Но не в душе у себя, а вот в этом снеговом покрове, неуходе зимы» [2. С. 243]. Прежде всего, конечно, белый снежный покров родины — указание на ее гибель, белый снег — это своеобразные белые смертные пелены. Но если у Бунина в «Деревне», как мы помним, серый зимний пейзаж, снег серый, то здесь упоминается только белый снег. Белый — символ чистоты и света, этим писатель пытается умирить и примирить два антиномичные начала, изобразить не только «умирание» родины, но и выразить веру в грядущее, лучшее будущее страны.

Образ снега постепенно наполняется не только символическим, но и онтологическим смыслом. «*Бытие* тишины» — это не случайная оговорка автора, это выход к осмыслению истории, человека в сопряжении со временем мировой истории. «Устойчивый образный ряд приватного, потаенного, “теплого”, “огня” (“тусклого”, “мерцающего”, “синего звездного”), “дыма”, “угла” как метафорических характеристик подлинного *бытия* и публичного, непотаенного, “холодного”, “плоского”, “прямого”, “прозрачного”, “грязи”, “смерти” как характеристик “*бывания*” проходит сквозь весь текст “углов”» [7. С. 368]. Белый снегопад погружает Дурылина в родной, потаенный угол подлинного бытия: «Когда идет снег, я делаюсь маленький-маленький, — я уменьшаюсь до того, что весь умещаюсь на подоконнике детской или маминой комнаты; мне 6, 7, 8 лет; <...> белые тончайшие комарики радуют меня» [2. С. 390]. В Томске, в ссылке снег «уже не родной», 4000 верст от Москвы, но «такой же белый, такой же чистый, такой же... утешитель, умиритель» [2. С. 391]. Снег соединяет *бывание* повседневности и вечное *бытие* христианской истории, именно снежный покров над миром, по мыс-

ли автора, смог бы очистить его от скверны и убелить: «Зачем думать, что земля погибнет от огня или заледенеет от холода? Как хорош был бы другой конец: в вечном, белом, чистом снегу, который покрыл бы и Колизей, и пирамиды, и Эйфелеву башню, — и всю грязь всемирной истории, и весь ужас человеческого бывания на земле. Вот — был бы суд над землей: о, не “страшный” — с огненной речкой, с шумом пламени, с визгом огромных весов всемирного правосудия, с воплями осужденных и гимнами оправдываемых, с трубными сзывами человек и тварей, — шумный, звучащий, вопиющий суд! Нет, это был бы тихий — и не суд, а прощение миру, тихая жалость над ним — покрыть его весь, навсегда, не судя и не оправдывая, глубокою вечною милою пеленою, дать ему снежную тишину — и снежную же белизну...» [2. С. 391]. Таким образом, снег является символом надежды, примирения, прощения и очищения одновременно. Он становится не только объектом, но и субъектом повествования. Ироничное дурылинское высказывание: «Снежок мне роднее и ближе. Я сам снежок. Дотаиваю»* [2. С. 382] — наполнено глубоким смыслом и передает авторское ощущение духовного одиночества, почти потери «себя подлинного» в современном ему мире.

Таким образом, сближает Бунина и Дурылина восприятие революции 1917 г. как «слома», катастрофы, лиризация повествования, структурообразующая функция памяти и др. Однако, если у Бунина дореволюционные картины русской жизни — центр повествования, то у Дурылина они служат фоном (и окном в идеальное прошлое), в фокусе писательского внимания — послереволюционный процесс гибели здоровых начал русской жизни, воплощенный в образе снега и др. Поэтому весьма органично, что подлинная встреча Бунина и Дурылина, двух родственных по духу писателей-современников, становится возможной в пространстве литературного диалога, потаенном творческом «углу» трагической эпохи.

© Коршунова Е.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева: роман (1927—1929; 1933); Божье древо: рассказы (1927—1931). М.: Воскресенье, 2006. 480 с.
- [2] Дурылин С.Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
- [3] Дурылин С.Н. В своем углу. Тетрадь вторая // Мемориальный архив Дома-музея С.Н. Дурылина / Ф. С.Н. Дурылина. Кп-265/3-4. Машинопись. Л. 9—10.
- [4] Дурылин С.Н. Рассказы, повести и хроники. СПб.: Владимир Даль, 2014. 863 с.
- [5] Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900—1920 годов. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.
- [6] Есаулов И.А. Россия Бунина: миф, модель, реальность? // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. Елец, 2015. С. 15.
- [7] Резниченко А.И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: Издательский дом РЕГНУМ, 2012. 415 с.
- [8] Сергей Дурылин и его время. Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 1. Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.

* Курсив мой — Е.К.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 августа 2018

Дата принятия к печати: 10 августа 2018

Для цитирования:

Коршунова Е.А. И.А. Бунин и С.Н. Дурюлин: проблемы творческого диалога // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 27—34. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-27-34

Сведения об авторе:

Коршунова Евгения Александровна, кандидат филологических наук, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ имени М.В. Ломоносова. *Контактная информация:* e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

I.A. Bunin and S.N. Durylin: problems of creative dialogue

E.A. Korshunova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the creative connections of I.A. Bunin and S.N. Durylin (1887—1954). In modern literary criticism, the question of studying the creative connections of S.N. Durylin and I.A. Bunin is urgent, which was not touched upon by the researchers. Although Durylin does not belong to the writers of emigration, in Russia he almost immediately finds himself in internal emigration: art works and scientific works were not published. This brought him closer to Bunin's position. First of all, Durylin is interested in Bunin's story "The Village", in which the "Russian question" is touched. But, if in the story "Village" the writer does not fully accept the Bunin idea of Russia as a country of the wild and primeval, then in the "Life of Arseniev" the model of Russian life recreated by the author finds a response in Durylin's creative consciousness. In the memoir book "In his corner" the author recreates the immanent image of Bunin's native land. Brings together the writers of the perception of the revolution of 1917 as a "breakdown", a catastrophe, a lyric narrative, a structure-forming function of memory. However, if Bunin's pre-revolutionary pictures of Russian life are the center of the narrative, then Durylin serves as a background (and a window into an ideal past), the focus of writers' attention is the post-revolutionary process of the death of the healthy beginnings of Russian life, embodied in the form of snow.

Keywords: Bunin, Durylin, the image of Russia, memoirs, memory category, creative dialogue, emigration

References

- [1] Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 5. Zhizn' Arsen'eva: roman (1927—1929; 1933); Bozh'e drevo: rasskazy (1927—1931)* [Collected works]. M.: Voskresen'e, 2006. 480 p.
- [2] Durylin S.N. *V svoem uglu* [In his corner]. M.: Molodaja gvardija, 2006. 879 p.
- [3] Durylin S.N. *V svoem uglu* [In his corner]. *Tetrad' vtoraja* // Memorial'nyj arhiv Doma-muzeja S.N. Durylina. F. S.N. Durylina. Kp-265/3-4. Mashinopis'. L. 9—10.
- [4] Durylin S.N. *Rasskazy, povesti i hroniki* [Novels, stories and chronicles]. SPb.: Vladimir Dal', 2014. 863 p.

- [5] Durylin S.N. Stat'i i issledovanija 1900—1920 godov [Articles and researches of 1900—1920]. SPb.: Vladimir Dal', 2014. 895 p.
- [6] Esaulov I.A. Rossija Bunina: mif, model', real'nost'? [Russia Bunina: myth, model, reality?] // *Tvorcheskoe nasledie I.A. Bunina v kontekste sovremennyh gumanitarnyh issledovanij*. Elec, 2015. P. 15.
- [7] Reznichenko A.I. O smyslah imen: Bulgakov, Losev, Florenskij, Frank et dii minores [About meanings of names: Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minores]. M.: Izdatel'skij dom REGNUM, 2012. 415 p.
- [8] Sergej Durylin i ego vremja. Issledovanija. Teksty. Bibliografija. Kn. 1. Issledovanija [Sergej Durylin and his time: Researches. Texts. Bibliography. Book 1. Researches]. M.: Modest Kolerov, 2010. 512 p.

Article history:

Received: 01 August 2018

Revised: 05 August 2018

Accepted: 10 August 2018

For citation:

Korshunova E.A. (2019). I.A. Bunin and S.N. Durylin: problems of creative dialogue. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(1), 27—34. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-27-34

Bio note:

Korshunova Evgenia Alexandrovna, PhD of the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University. *Contacts*: e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com